

КОРОЛЕВСТВО СЕРБИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Мамотко, 1 курс аспирантуры, факультет истории и международных отношений, БГУ им. академика И.Г. Петровского, Брянск

Актуальность темы объясняется проблемой малой изученности многих аспектов межгосударственных отношений в период Первой мировой войны. Сербский историк Никола Попович, изучая сербскую историографию периода Югославии, касающуюся русско-сербских отношений, подчеркивал необходимость «поднять и расширить новые проблемы, особенно это касается военной сферы и позиции русской общественности, политических партий, церкви» [2, с. 215].

Мемуары государственных деятелей Российской Империи, непосредственно находившихся на Балканах накануне и в годы Первой мировой войны дают ценные сведения не только о субъективной оценке происходящего, но и обрисовывают обстановку в сербском обществе и государстве, реакцию, ожидания властей и народа, отношение к войне в целом и взгляды на роль в этих процессах России в частности.

Из всех государственных и политических деятелей России, занимавших в тот период высочайшие должности, особняком стоит фигура капитана Генерального штаба Александра Ивановича Верховского. Исследователь его биографии Юрий Сафронов подчеркивает неоднозначность, загадочность этой личности. Особую ценность исследования для историков и воспоминаний А.И. Верховского Сафронов объясняет тем, что тот являлся непосредственным свидетелем развивающихся событий в Сербии с января 1914 года, куда был командирован Генеральным штабом для изучения опыта ведения войны сербской армией в годы Балканских войн. Воспоминания Верховского о днях его пребывания в Сербии вошли в так называемый Сербский дневник, который он начал вести с 25 января 1914 года после того как был представлен в Белграде военному атташе полковнику Генштаба В.А. Артамонову.

Интересные замечания оставил Верховский о сербском солдате, даже внешний вид которого не внушал особого доверия. Армия Сербии производила впечатление нелицеприятное, бросались в глаза неопрятность, несообразность в её рядах. Вид самый распущенный, выправки никакой, я сам видел как унтер офицер отдал честь с папюсокой в правой руке. Внешней дисциплины никакой. Говорят, что очень сильна внутренняя — посмотрим» [3, с. 208] — гласит запись в дневнике от 2 февраля.

Мысль о некоем недоверии к сербам Верховский встречал в среде русской миссии в Белграде. Так при разговоре с женой полковника Артамонова, он подмечал подобные суждения и в среде штабских, и в среде военных соратников. В многом радушное расположение к русским в Сербии объяснялось вполне простыми мотивами выгоды, а вовсе не искренними братскими чувствами.

Во воспоминаниях капитана в сербском народе необычайно сильно жила идея борьбы с Австрией. Верховский не премудро отметил тот факт, что к 1914 году славянские подданные Австро-Венгрии отличались от подданных сербского государства, в среде которых он выделял наличие больших амбиций и претензий на власть в регионе. При этом подчеркивалось, что такие настроения были далеко не у всех сербов. Так, он передал мнение простой сербской женщины, у которой квартировал: «Иванка, у которой есть родственники в Австрии, рассказывает со слов родственника, что сербы-христиане в Австрии в общем довольны своей судьбой и не мечтают о присоединении» [3, с. 212]. Подобные мысли высказывал Верховскому в беседе сербский пограничник, участник обеих Балканских войн. «Теперь сидит и глядит на австрийский берег и говорит, что у швабов добра земля, что они народ культурный, а мы, сербы, простецы» [3, с. 221-222].

В целом дневник А.И. Верховского вырисовывает ситуацию, царившую в Сербии в начале 1914 года. Большая степень сведения относятся к освещению состояния сербской армии и сербского общества после окончания войны против болгар. В то же время он в своих воспоминаниях подтверждает антиавстрийские настроения сербского высшего военного командования и наличие в среде понимания того, что победа над Болгарией это лишь часть миссии.

Ю.А. Сафронов в своем исследовании подчеркивает и выделяет роль других ключевых фигур русской миссии на Балканах. Один из них — это военный атташе, полковник В. А. Артамонов, который оставил воспоминания о своей миссии в Белграде, изданные на немецком языке в 1938 году в Берлине. С другой частью воспоминаний Артамонова, сохранившихся в его семейном архиве, был ознакомлен академик Ю.А. Писарев в сентябре 1988 года. Из этого документа

следовало, что убийство эрцгерцога было резко осуждено Артамоновым. В дневнике за 28 июня 1914 года Артамонов записал: «Крайне тревожный день для Сербии и России» [3, с.93]. Сафронце подчеркивал, что к воспоминаниям Артамонова следует относиться с осторожностью ввиду нестыковки важных дат и трактовки событий.

Необходимо обратить внимание на воспоминания Штрандтмана Василия Николаевича, дипломата, 1-го секретаря Русской миссии в Белграде и Нише в 1911–1915гг., в июле–декабре 1914 г. временного поверенного в делах России. Балканские воспоминания Штрандтмана написаны после событий и подразделяются на два периода. Первый том посвящен событиям 1908–1912 гг., второй раскрывает ситуацию 1914–1915гг.

Штрандтман в своих мемуарах во многом подтверждал тезис А.И. Верховского о царивших в сербском обществе настроениях реваншизма, желании объединить всех славян Австро–Венгрии, но отмечал и наличие совершенно иной тенденции: «Сербия... в сознании законной освободительной борьбы с Турцией, обратила свое главное внимание на укрепление внутреннего положения в стране, чтобы подготовиться к столкновению, не только возможному, но и вероятному, с северным могущественным соседом. В Белграде, впрочем, приходилось слышать из рядов оппозиции своеобразное мнение о возможности включения всех южных славян и Сербии, оставая в стороне Болгарию, в состав Австро–Венгерской монархии, чтобы затем, при благоприятной конъюнктуре, выделиться из нее со всеми хорватами и словенцами объявить полную самостоятельность» [4, с.437].

Вполне недвусмысленны впечатления Штрандтмана об австрийском ультиматуме, предъявленном Сербии 28 июля, с текстом которого, согласно его воспоминаниям, он подробнейшим образом ознакомился первым из иностранных дипломатов, находившихся в июле 1914 года в Белграде. «Для меня не было сомнения в том, что Австро–Венгрия решила воспользоваться предоставившимся предлогом и звала на сербское правительство ответственность за Сараевское убийство, основываясь на том, что преступники были сербами. Это – по их расчету – открывало дорогу к сведению счетов с Сербией, стоявшей преградой германизму на путях на юг» [4, с.440].

Официальную политику сербского правительства того периода Штрандтман называет миролюбивой и подчеркивает то удручающее впечатление, произведенное австрийским решением о разрыве дипломатических отношений с Сербией на министра иностранных дел Николу Пашича: «Пашич был потрясен этим известием. Он терял последнюю надежду на предотвращение вооруженного столкновения с австрийскими сербским правительством далеко идущими уступками. Сохраняя полное невозможное спокойствие, Пашич, однако, сразу осунулся» [4, с.442].

Затем вместе с русской миссией по предложению королевича Александра Штрандтман переехал в Ниш, где и встретил объявление войны Австро–Венгрии Сербии.

Мемуары Штрандтмана ярко описывают состояние Ниша, города, который был вынужден стать второй неофициальной столицей сербского королевства в условиях начавшейся войны с Австро–Венгрией.

По словам дипломата, в дни начала войны с Австрией сербы были полны решимости защищать свою страну. По его воспоминаниям множество сербских знакомых, представители местной администрации и политических деятели в те дни считали своим долгом зайти в здание Императорской миссии в Нише, чтобы выразить одушевленные их чувства и надежды. Все они, по словам Штрандтмана, говорили о благодарности к России и русскому царю.

Штрандтман акцентировал внимание на попытках России за несколько дней до объявления ей войны со стороны Германии добиться от Австрии необходимого сотрудничества Болгарии в обмен на территориальные уступки. Дипломат вспомнил о позиции Сербии в тот период так: «Возбуждением вопроса русским правительством о территориальных уступках Сербии в пользу Болгарии было положено начало целому ряду болезненных, но в конце концов безуспешных переговоров с сербами, с одной стороны, и с болгарами – с другой. «Не от нас, – говорили сербы, – можно требовать каких-либо уступок, а Болгарию следует принудить к подчинению общему славянским интересам и заставить ее идти вместе с Россией» [4, с.450].

В беседе с сербским политиком, посланником в Вене и Лондоне Йованом Йовановичем Штрандтман убеждался в том, что сербы готовы идти на какие бы ни были уступки даже по просьбе России только в том случае, если будут уверены, что вопрос о славянском населении Австрии предполагается по окончании войны разрешить согласно заветным желаниям Сербии, что в свою очередь предполагало присоединение части территории Австро–Венгрии к Сербскому королевству.

Отмечая сложившийся к середине декабря 1914 года кризис в сербской армии, Штрандтман подчеркивал, что помогал устоять сербам в тот момент дух народа, и активные действия короля Петра и престолонаследника Александра, их личное присутствие в войсках. «Как через несколько месяцев мне было сообщено, государь император обратил внимание на сообщенные мною данные о ходе последних сражений и в особенности принял близко к сердцу участие короля

Петра, больного и немощного, в решительную минуту спасения Сербию «казавшейся неминуемой гибели» [4, с.463] – вспоминал позднее Шtrandтман.

После приезда Г. Трубецкого В.Н. Шtrandтман продолжал свою работу, и вплоть до своего отъезда в Петербург в апреле 1915 года.

Подводя итог, необходимо отметить с одной стороны большую информативность воспоминаний русских дипломатов, находившихся в Сербии в период Первой мировой войны и до ее начала, а с другой – во многом их официальный характер. Но даже несмотря на это, во многих из них находятся подтверждения царивших в сербском обществе идей о ссоединении со славянами Австро–Венгрии. Подтверждаются и русофильские настроения как в среде офицерства и правительства, так и простого народа, но во многом столь радужное расположение к русским в Сербии объяснялось вполне простыми мотивами в годы, а вовсе не искренними братскими чувствами. Отмечается и нежелание сербских властей вникать в положение и проблемы России, идти на уступки даже при просьбах со стороны официального Петербурга.

Оценки же Сараевского убийства во многом полны, без желания вдаваться в подробности и искать связь деятельности исполнителей этого преступления с военными организациями из Белграда.

Литература

- 1.Белаяц, М. Кому нужна ревизия истории. Старые и новые споры о причинах начала Первой мировой войны / М. Белаяц. – М.: Алгоритм, 2015. – 370 с.
2. Попович, Н. Сербская историография о русско–сербских отношениях в ходе Первой мировой войны / Н. Попович // Россия и Сербия глазами историков двух стран / Н. Попович. – СПб, 2010. – С.208–216.
- 3.Сафронов, Ю. И. Дневник Черховского / Ю. И. Сафронов. – М.: Вече, 2014. –208 с.
- 4.Шtrandтман В. Н. Балканские воспоминания / В.Н. Шtrandтман //Русские о Сербии и сербах (архивные свидетельства) / В. Н. Шtrandтман. – М., 2014. – Т.2 –С. 408–464.